

Д-р Дэйв Мэтьюсон, Литература Нового Завета, Лекция 5, Рождество и Канон

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэйв Мэтьюсон, представляющий историю и литературу Нового Завета, лекцию 5 о Рождестве и Каноне.

Хорошо, давайте продолжим и пойдём. Мы смотрели на то, хотя я хочу продвинуться по этому вопросу быстро, чтобы мы могли добраться до самого текста Нового Завета, смотрели ли мы на среду вокруг Нового Завета или на среду, из которой Новый Завет вырос. , пытаюсь подготовить для вас историческую, политическую, религиозную, культурную основу того, что происходило до и во время создания Нового Завета.

Итак, необходимо яснее понимать Новый Завет. Полезно понять некоторые предпосылки и среду, которые помогли его создать, или, по крайней мере, ситуацию, в которой он был создан. И опять же, как это влияет на Новый Завет, как он с этим взаимодействует, как он может критиковать эту среду и т. д.

Итак, мы не будем просто смотреть на это и затем откладывать это в сторону, но, надеюсь, к этому материалу будут обращаться довольно часто, когда мы начнем рассматривать сами документы Нового Завета. Мы закончили прошлую неделю рассмотрением и началом рассмотрения некоторых культурно-исторических условий и того, как они на самом деле влияют на то, как мы интерпретируем выбранный текст Нового Завета. Я просто рассмотрел пару примеров в качестве образцов, чтобы вы могли увидеть, как понимание предыстории может на самом деле заставить нас читать часть текста совсем не так, как мы привыкли.

Но давайте начнем с молитвы, а затем немного поговорим о рождественской истории как о примере того, как наше происхождение, наша окружающая среда, наша культура и даже наши традиции, религиозные, теологические и исторические, часто формируют то, как мы читаем Рождество. историю, как мы иногда восполняем некоторые пробелы в понимании истории, но как, глядя на текст снова и, возможно, время от времени читая его, глазами того, как читатели Первого века могли его прочитать, или, по крайней мере, понимать, как наше прошлое влияет на то, как мы читаем историю, и, возможно, проверяем, есть ли альтернативные способы взглянуть на нее, способы, которые могут не быть так окрашены нашим прошлым, нашими традициями и т. д.

Но давайте начнем с молитвы, а затем закончим ее и перейдем к тому, чтобы задать еще пару вопросов, связанных с тем, как мы читаем и интерпретируем Ветхий Завет. Все в порядке.

Отец, спасибо Тебе за привилегию изучать Твое слово в академической обстановке, но, надеюсь, это нечто большее, чем просто академическое, но оно повлияет на то, как мы, твой народ, читаем его, как мы читаем его как Твое слово, понимая это, читая в его контексте мы в некотором смысле уважаем тот способ, которым вы решили раскрыть себя, понимая, что вы раскрыли себя в очень конкретном историческом месте, в очень специфической религиозной и политической среде и перед очень конкретными людьми, и это понимание, которое будет помогите нам прийти к лучшему пониманию и оценке вашего слова и того, как оно продолжает говорить с нами сегодня. Итак, мы молимся, чтобы вы направляли нашу дискуссию и направляли наши мысли. Во имя Иисуса мы молимся. Аминь.

Все в порядке. Итак, мы посмотрели на рождественскую историю с точки зрения довольно традиционного подхода, и я попробовал, мы немного поговорили о нескольких распространенных способах ответа на эти вопросы и общем способе понимания рождественской истории, которая в значительной степени, многое из этого окрашено нашими традициями и тем, как нас заставили прочитать эту историю и услышать ее, но я предположил, что, когда вы вернетесь и посмотрите на сам текст, вы обнаружите, что ряд этих особенностей, особенно в зависимости от окружающей среды ряд этих особенностей могут потребовать разных ответов на них.

Например, мы сказали, особенно второй, трактир и трактирщик, что очевидно, когда вы читаете текст, не только нет упоминания трактирщика, но слово трактир на самом деле происходит от греческого термина, который лучше переводится. как гостевая комната. Итак, Мария и Иосиф не пошли в гостиницу и не платили за ночлег или время, а остановились в гостевой комнате дома, который, вероятно, принадлежал их родственнику. Тот факт, опять же, последний, на котором мы закончили, то, что там написано, что в этом гостевом доме для них не было места, поэтому, когда пришло время Марии родить, она родила сына и родила его. в яслях, мы об этом поговорим, потому что в гостевой комнате для них не нашлось места.

Все это должно означать не то, что Мария и Иосиф отправились в Вифлеем и все время оставались в конюшне, они, вероятно, очень хорошо, возможно, очень хорошо остались в этой комнате для гостей, но когда пришло время родиться ребенку, кто хочет родить ребенка в комнате, которую вы делите с несколькими другими людьми? Итак, они пошли в единственное тихое и укромное место в доме, которым была бы конюшня, где хранились ясли. Теперь конюшня, хотя мы снова представляем себе это большое, просторное помещение со всеми

коровами, овцами и всем этим вокруг Иисуса, ссылая на конюшню, хотя опять-таки здесь не говорится явно о конюшне, это относится только к тому, что Иисуса кладут на землю. в яслях. Скорее всего, это означает, что в большинстве домов было небольшое помещение, похожее на чулан, или даже навес сбоку от дома, где хранились такие вещи, как ясли и другие вещи. материал для ухода за овцами, животными и тому подобное.

И опять же, Мария и Иосиф пошли, вероятно, не в какую-то пещеру, вероятно, это был не какой-то тщательно продуманный сарай или постройка где-то за домом, а, вероятно, была небольшая комната или навес, небольшая конюшня, пристроенная к задней части дома или к дому. сторона дома. И в этой конюшне они, без сомнения, нашли бы, среди прочего, ясли, которые, как многие из вас знают, по сути представляют собой кормушку. Тем не менее, я посмотрел на него, у меня была его фотография, и я не уверен, что с ней случилось, я не могу найти ее в своей PowerPoint, но я заметил несколько изображений кормушек или ясли, которые были обнаружены, и что интересно, очень распространенным типом яслей были маленькие, на самом деле небольшой камень, это было бы отверстие, вырезанное в скале.

И вы можете себе представить, если бы Иисуса поместили в ясли, которые были скалой, камнем, это еще больше усилило бы смирение и унижительные обстоятельства, при которых родился Иисус. Опять же, мы приручили его, мы часто представляем Иисуса в этой красивой деревянной колыбели, напоминающей ящик, на сваях, из которого выходит сено, и который, вероятно, так же удобен, как кровать, на которой я почти сплю. Но возможно, если бы Иисус лежал в этих яслях, то это мог бы быть этот камень, этот камень, с высеченной в нем дырой, и опять же, туда насыпали бы зерно, и вот что скот или домашний скот съел бы из.

Итак, еще раз, мы часто, когда упоминаем об Иисусе, положенном в ясли, имеем довольно подробные картины того, как это выглядело, но, вероятно, это было бы гораздо более унижительно и гораздо более приземленно. Если это какой-то небольшой навес сбоку от дома, опять же, единственное тихое и уединенное место, которое Мария могла найти, чтобы родить Иисуса, и если бы его, возможно, положили в этот камень, этот большой камень с дыркой высеченное в нем, это единственное место, которое они нашли, чтобы положить Иисуса. Так или иначе, дело в том, что часто, когда мы подходим к тексту, нам нужно осознавать тот факт, что мы часто подходим к нему со своими собственными предположениями.

Иногда они не озвучены. Иногда наши предположения подсознательны. Мы не осознаем, как наше прошлое влияет на то, как мы интерпретируем.

В других случаях мы читаем вещи в свете того, как нас научили их читать, как нас учили наши церкви, как мы выросли. Иногда наше культурное происхождение и наш собственный опыт влияют на то, как мы читаем текст, и это необходимо. Это неплохо, и это не неправильно.

Это просто реальность. Но мы должны осознавать тот факт, что это происходит, и мы должны быть открыты для того, чтобы позволить тексту и позволить нашему изучению исторического фона, а также религиозного, исторического, политического, климатического и культурного фона, мы должны позволить этому бросить вызов нашим предположениям и бросить вызов тому, как мы читаем текст, и, возможно, заставите нас взглянуть на него в ином свете. Итак, просто осознайте, что, по моему мнению, никто ничего не может трактовать с полной объективностью.

Представление о том, что мы с вами каким-то образом представляем собой сухую губку, которая только и ждет, чтобы объективно впитать данные, не обремененные, беспрепятственные и нефильтрованные нашими предубеждениями, просто неверно. Если бы вы были чистой губкой, вы бы ничего не поняли. Наш опыт и знания помогают нам понимать вещи.

В то же время мы должны осознавать, что это действительно влияет на то, как мы читаем, и позволить тексту Священного Писания бросить вызов и изменить то, как мы о нем думаем и то, как мы его читаем, чтобы попытаться понять его в свете так, как это задумал Бог, и в свете того, как это задумали первые человеческие авторы, в свете их культуры и происхождения, а не в первую очередь в свете наших. Теперь это подводит нас к другому вопросу: вернемся к разделу, предшествующему пересказу рождественской истории. Что это значит? Что значит критически читать Новый Завет? Большинство из нас, когда мы это слышим, склонны уклоняться от приравнивания чтения Библии к критическому, то есть критическому подходу к Библии, или, возможно, когда вы читаете учебник «Введение в Новый Завет», вы знакомитесь с различными методами критики. например, историческая критика, текстовая критика, редакционная критика, критика источников.

Это разные ярлыки для разных подходов к толкованию Нового Завета. И вопрос в том, какое место для христиан, утверждающих, что Библия является в каком-то смысле словом Божьим, занимают критические методы или критический подход, какую роль они могут играть в чтении Нового Завета? Или нам, христианам, не следует иметь к этому никакого отношения? Итак, прежде всего, что значит критически читать Библию? Проблема в том, как мы определяем это слово, потому что обычно, когда мы слышим слово «критика» или критический подход к чему-то, что обычно приходит нам на ум? Или что мы думаем о том, что это включает в себя или как это выглядит? Итак, если вы слышите слово «критический», что приходит вам на ум? Скептически. Скептически.

Итак, критический подход к Новому Завету – это скептический подход к нему. Что-нибудь еще? Гораздо более буквально. Совсем другой взгляд на это.

Кто-нибудь еще? Ага. Очень аналитический, использует другие материалы и другие источники, чтобы попытаться помочь вам понять текст. Итак, вы видите эти три совершенно разных взгляда на критику.

Обычно проблема в том, что когда мы думаем о критике, мы часто думаем о первом упоминании как о скептическом или деструктивном. Итак, критический подход – это подход, который имеет решающее значение с точки зрения скептицизма, отрицания, сомнения или попыток подорвать и поставить под сомнение. И действительно, многие критические подходы к Библии сводятся ни к чему иному.

Однако есть и другой взгляд на это. Критика также предполагает просмотр, анализ текста или анализ текста Нового Завета, чтобы понять его более правильно и предоставить обоснование и причину того, почему мы так думаем. Итак, в этом отношении противоположностью критики не является то, чтобы быть более благочестивым или благочестивым.

Противоположностью критике было бы быть наивным и просто принимать что-то, не имея для этого причины. Итак, когда мы говорим о критическом подходе к Библии с этой точки зрения, я надеюсь, что все мы научимся быть критиками Нового Завета. Не с точки зрения его подрыва или скептицизма, а с точки зрения того, чтобы задавать вопросы по тексту и спрашивать, почему мы думаем именно так.

Почему я думаю, что этот текст означает именно это? Или почему я думаю, что Новый Завет говорит это? И предоставление обоснования и причин для его понимания, что опять же является одной из причин, почему мы обращаем внимание на историческую, культурную и религиозную основу, чтобы попытаться ее сформировать, чтобы попытаться дать нам материал и фон, которые можно привнести в текст. чтобы помочь нам понять это лучше и полнее. Итак, на этом занятии, когда мы будем говорить о различных методах критики, мы, надеюсь, поймем это не с точки зрения деструктивности, сомнений, отрицания и скептицизма, хотя это возможно, а скорее в духе предоставление обоснования и обоснования выводов, которые мы делаем. То есть не просто держаться за что-то потому, что я так считаю или меня так учили, а по этим причинам или чтобы дать оправдание.

С этой точки зрения один из вопросов или критических замечаний, которые я часто слышу от студентов, заключается в том, что в колледже легко относиться к

Новому Завету или легко относиться к Библии как к учебнику. Я не уверен, что это плохо. Я на самом деле думаю, что это хорошо.

Это необходимо и желательно, поскольку показывает, что мы думаем критически. Это показывает, что мы сталкиваемся с документом, который сильно отличается от нас, который был создан в совершенно другом месте и в другой среде. И решение не в том, чтобы перестать относиться к Библии как к учебнику.

Решение состоит не в том, чтобы останавливаться на достигнутом, а в том, чтобы усердно работать над интеграцией того, что мы изучаем в классе, в нашу религиозную жизнь, в наше богослужение, в наше личное чтение Священного Писания, чтобы убедиться, что это основано на различных методах и вещах. Мы учимся в классе. Итак, будем надеяться, что временами Библия будет казаться учебником, и это естественно и желательно. Но проблема в том, что проблема не в этом.

Проблема в том, что мы остановимся на этом и не сможем выполнить тяжелую работу по интеграции этого в нашу сегодняшнюю жизнь, в социальную, историческую, религиозную и политическую среду, в которой мы находимся сегодня. Теперь, прежде чем мы начнем кружить вокруг и, надеюсь, подойдем все ближе и ближе к изучению самих документов, прежде чем мы это сделаем, еще один вопрос, более общий, а именно: как мы получили наш Новый Завет? И на самом деле, целый класс, вероятно, мог бы быть посвящен решению этой проблемы. Но как получилось, что документы, которые у нас сейчас есть, от Матфея до Откровения, являются частью нашей Библии, как мы к этому пришли? Или как эти книги дошли до нас как Новый Завет? Признавая, что на самом деле в первом веке существовал ряд других документов, которыми был Новый Завет, книги были не единственными, которые были написаны.

Было написано множество документов, предшествовавших написанию Нового Завета и после него. Так как же эти 27 документов, от Матфея до Откровения, попали в Новый Завет? И опять же, мое рассмотрение этого вопроса будет очень поверхностным и сделано лишь для того, чтобы дать вам более широкую перспективу и некоторое понимание того, как это произошло. Отправной точкой, очевидно, является тот факт, что после того, как просто предположим, что книга Откровение была последней книгой, написанной в Новом Завете, помните, что тот факт, что она идет последней, не обязательно потому, что она была написана последней.

Новый Завет построен логически. Они не расположены в том порядке, в котором были написаны книги, они расположены логически. Итак, Откровение логически идет последним.

Но, вероятно, в хронологическом порядке одно из Евангелий от Иоанна было, вероятно, последним, любое из этих двух было бы написано последним. Теперь давайте на мгновение предположим, что книга Откровение была последней написанной книгой. После того, как Иоанн написал Откровение, на следующий день церковь не проснулась с Новым Заветом, лежащим у них на коленях.

Они не проснулись на следующий день после того, как было написано Откровение, со списком документов Нового Завета, который они назвали Новым Заветом. Фактически, опять же, в самый первый день занятий мы увидели, что «Новый Завет» не был термином, который применялся к тому, что мы называем Новым Заветом, лишь немного позже. Итак, церковь не проснулась с Библией и Новым Заветом на руках.

У них уже был Ветхий Завет. Вам не нужно заглядывать слишком далеко в Евангелия, чтобы увидеть ссылки Иисуса на Закон и Пророки или Закон и Пророки в писаниях и цитирование текстов Ветхого Завета, а также авторов Нового Завета, которые цитируют тексты Ветхого Завета. Итак, у церкви уже была Библия, которую мы называем Ветхим Заветом, хотя они не обязательно называли бы ее так.

А как насчет того, что мы называем Новым Заветом? Откуда это? Опять же, было бы, конечно, проще, если бы Бог просто предоставил список книг, которые я хочу, чтобы вы включили в Новый Завет. Но Он не действовал таким образом. Вместо этого вы видите, что процесс определения Нового Завета на самом деле был довольно долгим и затяжным.

И только примерно в четвертом веке мы наконец имеем возможность обратиться к полному списку Нового Завета. Таким образом, похоже, что Бог на самом деле провел довольно исторический и обычный процесс дебатов и фактически вытащил среди членов церкви те документы, которые они могли бы принять в качестве авторитетного Священного Писания. Итак, первое, что следует сказать, это то, что у церкви есть Новый Завет. Опять же, я использую слова «Новый» и «Ветхий Завет» только потому, что это общие слова, и я понимаю, что это не то, как их называли в начале. век.

Нового Завета у них еще не было и другие, наверное, не называли бы, нашим Ветхим Заветом, не называли бы Ветхим Заветом. Но опять же, какое было оправдание тому, что даже если у них было то, что мы называем Ветхим Заветом, зачем им нужен был Новый Завет? Каково обоснование дополнительной группы сочинений? Что ж, опять же, похоже, причина в том, что, как мы снова увидели в первый день, отношения между Ветхим и Новым Заветами - это отношения обетования и исполнения. Ветхий Завет предвосхищает день, когда Бог установит новый завет, когда Он пошлет избавителя, спасителя, мессию, чтобы восстановить свой народ и восстановить

завет, чтобы установить новый завет, потому что Ветхий Завет потерпел неудачу или, скорее, Израиль потерпел неудачу под Ветхий Завет.

Пророки Ветхого Завета обещают время, когда Бог восстановит Свой народ и создаст новое творение. Он пошлет своего избавителя, мессию, который сядет на престол Давида и установит новый завет и откроет новый завет со своим народом. Так вот, поскольку Иисус Христос является тем, кто исполняет это, естественно, что так же, как существовал целый ряд писаний, свидетельствующих о том, что Бог обращался со своим народом в Ветхом Завете, естественно и то, что ветхозаветное писание, то, что мы называем Поскольку Ветхий Завет предвосхищает время, когда Бог установит новый завет с Мессией со Своим собранным и восстановленным народом, вполне естественно, что те писания, которые свидетельствуют об этом новом завете, исполненном во Христе, также будут рассматриваться как Священные Писания наряду с Ветхим Заветом. Священное Писание.

Итак, Новый Завет — это не просто приложение, это не какое-то дополнение, это на самом деле своего рода кульминация и исполнение Священного Писания Ветхого Завета. Опять же, это группа писаний, которые, как и Ветхий Завет, являются писаниями, свидетельствующими о Божьем Ветхом Завете, касающемся Израиля, теперь в том, что оно исполнилось во Христе с инаугурацией нового завета и пришествием Иисуса как мессия, естественно, что те документы, которые свидетельствуют об этом, также будут считаться наряду с авторитетными писаниями. Итак, что подразумевается под словом канон? Буквально, и я не могу вспомнить, говорит ли об этом ваш учебник, слово канон буквально означало трость, поэтому мы не говорим об орудии войны, канон, греческое слово означало трость, и в более широком смысле вы можете видеть что эта трость использовалась для измерения вещей, определенная часть трости выполняла функцию мерки в качестве единицы измерения.

Кроме того, в более широком смысле слово «канон» могло относиться к собранию соответствующих сочинений. Итак, когда мы ссылаемся на канон Нового Завета, мы имеем в виду собрание авторитетных писаний, собрание писаний, которые соответствовали критериям, критериям, по которым их можно считать авторитетными писаниями. Это все, что мы подразумеваем под каноном Нового Завета, группой писаний, которые действуют как авторитетное писание для народа Божьего.

Итак, откуда это взялось? Опять же, как это появилось? В последнее время наблюдается довольно устойчивое возрождение этой точки зрения, и она нашла очень популярное выражение не так давно, с появлением «Кода да Винчи», некоторые из вас читали его, и я уверен, что большинство из нас уже прошли это. и о других вещах, но когда несколько лет назад Дэн Браун написал «Код да Винчи», он фактически популяризировал довольно распространенный

подход среди некоторых исследователей Нового Завета, а именно идею группы авторитетных сочинений, канона, на самом деле появилось намного, намного позже. В первые два или три столетия ранней церкви под эгидой христианства существовало множество документов и различных религиозных взглядов, и ни один из них не считался правильным. Все они как бы конкурировали и соперничали за внимание, и это действительно продолжалось до тех пор, пока император Константин в четвертом веке не решил, какие книги, все ли с этим согласятся, как это формулирует Да Винчи, не имеет значения, и, конечно, он писал художественную книгу. в любом случае, книга, но это довольно распространенная точка зрения.

Лишь некоторое время спустя церковь, самая влиятельная группа в церкви, решила, как будет выглядеть христианство, и вот документы, которые мы будем считать Священными Писаниями, а все остальное было как бы подмечено коврик. И это довольно популярный взгляд на общепринятую концепцию, согласно которой в первые три, два, три столетия христианство имело очень разнообразные и даже конкурирующие точки зрения. Не существовало ни одной группы сочинений, которые считались Священными Писаниями.

Было много разных сочинений, и, опять же, лишь спустя некоторое время в основном победили победители. Победители определили, как выглядит христианство. Однако, если взглянуть на некоторые свидетельства Нового Завета, кажется, что, хотя церковь и не проснулась с канонам, на следующий день после того, как было написано Откровение, у нее на коленях лежал хорошо сформированный список сочинений, и вместо этого на самом деле потребовалось некоторое время. Процесс, длившийся еще почти 300 лет, чтобы определить масштабы Нового Завета, документов, которые церковь теперь воспринимает как Священные Писания, неправда сказать, что этот процесс произошел только позже.

Похоже, что в некотором смысле это уже началось. Например, это взято из одного из ваших документов Нового Завета, письма 2 Петра, и вот что говорит 2 Петра, а 2 Петра, вероятно, написано намного позже жизни Павла, апостола Павла. Петр говорит, так и наш возлюбленный брат Павел, который, вероятно, к этому моменту был замучен и предан смерти, наш возлюбленный брат Павел написал вам по данной ему мудрости, говоря так, как он говорит во всех своих посланиях.

Есть в них некоторые вещи, которые трудно понять. Что ж, это утешает. Если Питеру было трудно это понять, то, возможно, меня можно извинить за то, что я не был небрежным и не старался, но, по крайней мере, если мне что-то кажется трудным.

Но он говорит, что написал некоторые вещи, которые трудно понять и которые невежественные люди искажают, как и другие писания. Итак, две вещи, которые интересны в этом, во-первых, Петр уже, опять же, это написано, дата его письма варьируется, но оно написано задолго до конца первого века, написано где-то до книги Откровения. Но похоже, что вскоре после смерти Пола Петр уже знает о группе писем Павла, которые циркулируют.

Он не говорит нам, сколько их известно ему. Он не говорит нам о размерах этого собрания посланий Павла. Он не говорит, кто их знает и насколько широко они распространены, но предполагает, что его читатели, Петр, и, по крайней мере, его читатели, знают о группе посланий, которые Павел уже написал.

И опять же, это задолго до конца первого века, лет на 20, 30, 40 или около того, что-то в этом роде. Во-вторых, обратите внимание, что Петр, кажется, приравнивает их к другим местам Писания. В Новом Завете слово «писания» или «писания» стало почти своего рода техническим термином, не совсем, а термином, относящимся к Ветхому Завету.

Итак, Петру известно о циркулирующей группе писем Павла, и он, очевидно, приравнивает их к Священному Писанию. Он видит их в каком-то смысле на том же уровне, что и Священное Писание Ветхого Завета. Петр далек от того, чтобы сказать нам, что, ох, теперь у нас есть новый канон, который мы формируем наряду с Ветхим Заветом, но он определенно видит уже появившуюся группу сочинений и посланий Павла, которые можно рассматривать наряду с Ветхим Заветом.

Еще я хотел бы добавить к этому следующее: хотя авторы Нового Завета, похоже, по большей части не осведомлены о группе писаний, которые они собираются назвать Новым Заветом, точно так же, как и Ветхий Завет. , есть намеки, по крайней мере, в некоторых из них, некоторые авторы намекают, что пишут что-то, что будет считаться авторитетным писанием. Например, одним из примеров этого, я думаю, является книга Откровение, которая заканчивается главой 22 и стихами 18 и 19. Автор заканчивает, я предупреждаю всех, кто слышит слова пророчества этой книги, поэтому Иоанн ссылается только на свои книги, а не весь Новый Завет.

Если кто прибавит к ним, на того наложит Бог язвы, описанные в книге. Если кто отнимет от слов книги этого пророчества, у того отнимет Бог долю в древе жизни. Теперь я хочу обратить внимание на те слова, которые добавляют и убирают, и есть проклятие, если вы добавляете к слову или убавляете от слова, это язык, который исходит из закона Ветхого Завета.

И поэтому Иоанн считает, что книга Откровения имеет тот же уровень авторитета, что и закон Ветхого Завета. То есть имело место проклятие, как и

было в книге, этот язык исходит из Второзакония, чтобы прибавить или убавить слово Божие. Джон, это прямо из книги Второзакония.

И если добавить к закону Моисея или вычесть его, то будет проклятие и благословение за соблюдение его. Теперь Джон применяет те же самые формулировки к своему собственному документу. Другими словами, Иоанн, кажется, осознает, что пишет что-то на том же уровне, что и Священные Писания Ветхого Завета.

Итак, опять же, не совсем верно, что никто в первом веке не имел никакого представления о том, что представляет собой Священное Писание. Это было что-то вроде всеобщего до тех пор, пока не прошло несколько столетий. Но уже некоторые писатели думают, что пишут что-то по аналогии с Ветхим Заветом.

Еще один интересный текст — это апостол Павел, чьи письма составляют основную часть Нового Завета, по крайней мере, с точки зрения количества документов и сочинений. В одном из его документов, 1 Коринфянам 14, 1 Коринфянам 14 — это раздел, который мы рассмотрим более подробно, когда доберемся до этой книги. Но в этом разделе Павел учит церковь тому, как они злоупотребляют духовными дарами.

Когда они собираются для поклонения, они злоупотребляют духовными дарами, особенно языками. И теперь Павел говорит им, как им следует это исправить и как им следует использовать духовные дары, когда они собираются для поклонения. И Павел говорит нечто очень интересное в стихах 37 и последующих.

Обратите внимание, как он заканчивается. Это завершает его наставления о даровании духовных даров. И он никогда не цитирует Ветхий Завет, хотя и может на него ссылаться.

Я не должен говорить, что он не цитирует это. Он делает это в одном месте ранее, в главе 14. Но по сути он просто дает свои собственные инструкции.

Вот что я хочу, чтобы вы сделали. И вот как он заканчивает главу. Любой, кто утверждает, что является пророком или обладает духовными силами, должен признать, что то, что я пишу вам, является повелением Господа.

Тот, кто не признает этого, не должен быть признан. Интересно, что Павел приравнивает свои собственные наставления к повелению Господа. Как он думал, что он не рассказывает, было ли это каким-то откровением или он не говорит.

Но, тем не менее, Павел считает, что его собственные наставления авторитетны и их следует слушать и соблюдать так же, как и Ветхий Завет. Итак, Павел и другие писатели очень рано, по крайней мере, некоторые из них, не все, не все писатели Нового Завета, но некоторые, кажется, осознают, что они пишут нечто большее, чем просто обычное повседневное общение, но нечто большее. Это следует принимать на основании авторитета одного из апостолов Бога или представителя Бога, или авторитета Ветхого Завета. Итак, первая точка остановки находится даже в самом Новом Завете: кажется, существует осознание зарождающегося типа канонического сознания, что, по крайней мере, существует сознание группы писаний, которые будут функционировать как авторитетные писания.

Следующим пунктом остановки, опять же, я рисую очень широкими мазками, является человек по имени Маркион. Мужчина по имени Маркион. Маркион был известен, он был знаменитой исторической личностью, появившейся через пару сотен лет после написания Нового Завета.

Маркион в принципе решил собраться, опять же, можете себе представить, такой вопрос, ну в каких документах церковь услышит авторитетный голос Божий? Какие документы мы будем считать Священными Писаниями, свидетельствующими о новом заветном откровении Бога через Его Сына Иисуса Христа? Какие документы мы будем считать авторитетными свидетельствами этого? Человек по имени Маркион ответил на этот вопрос, и сделал это следующим образом. Он, по сути, очень, очень просто, Маркион верил в это. Он думал, что Бог Ветхого Завета — это не тот же Бог Нового Завета.

Он думал, что они разные. Бог Ветхого Завета был по сути Богом суда и закона. Бог Нового Завета, Бог благодати и любви, что-то в этом роде.

И вот что произошло: когда Маркион прочитал Новый Завет, он избавился от всего, что слишком напоминало Ветхий Завет. Он подумал: ну, это недостойно. Бог Нового Завета – это Бог любви и благодати и т. д.

Итак, Маркион избавился от всего, что слишком напоминало Ветхий Завет. И что интересно, в итоге у него получился очень ограниченный канон или собрание писаний Нового Завета. Я думаю, что это была, по сути, очень сокращенная и переработанная версия посланий Луки и Павла.

Все остальное было исключено, потому что оно слишком напоминало Ветхий Завет. Итак, Маркион придумал очень ограниченный канон. Но причина, по которой он важен, заключается в том, что сейчас существует ряд причин, но теперь из-за подобных вещей теперь будет все более и более необходимо ответить на этот вопрос.

Итак, какие документы церковь примет и будет считать авторитетным писанием? Первая ссылка, которая у нас есть, по крайней мере, сохранившаяся ссылка, опять же, не означает, что об этом кто-то впервые подумал. Это просто означает, что это первый письменный текст, свидетельствующий о 27 книгах, которые мы знаем сегодня. От Матфея через Откровение было написано отцом ранней церкви.

Помните, мы говорили об отцах церкви, тех церковных лидерах, в основном, из 2-го, 3-го и 4-го веков. И у нас есть их сочинения. У многих из них есть копии сочинений.

Вы можете прочитать их, их английские переводы. Одного из отцов церкви звали Афанасий. Афанасий был лидером, имевшим привычку каждый год обращаться к церкви, и под церковью я имею в виду не одно церковное собрание в здании, а всю церковь в целом и повсеместно, обращаясь к церкви с пасхальным посланием.

И в одном из своих пасхальных писем, в одном из его пасхальных писем в 367 году нашей эры, в одном из его писем он затрагивал вопрос о книгах, которые он будет считать Новым Заветом, или о тех книгах, которые церковь... И опять же, это было не только его команда того, что им следует делать. Это скорее краткое изложение того, что церковь в основном думала и принимала как Новый Завет. Он сказал, что Афанасий снова сказал, что мы не должны колебаться в названии книг Нового Завета.

Они заключаются в следующем. И опять же, я не буду это читать, но вы можете видеть, что у него есть четыре Евангелия, Деяния и, что интересно, его порядки немного другие, чем 14 посланий Павла. Интересно, что он включает сюда и Послание к евреям.

И, наконец, Апокалипсис Иоанна или Книга Откровения. Итак, это первый подтвержденный список из 27 книг, которые мы теперь принимаем как Новый Завет. Опять же, это не значит, что кто-то так подумал впервые.

Это лишь самое раннее письменное свидетельство об этом. Еще об одном я упомянул позже, примерно через 30 лет, об одном из ранних церковных соборов. В ранней церкви, когда возникали различные ложные учения и различные проблемы и вопросы, церковь часто созвала советы, чтобы решить некоторые из этих проблем.

А в одном из так называемых Карфагенских соборов Карфагенский собор также перечисляет 27 книг, идентичных списку Афанасия Нового Завета. Итак, к концу четвертого века, по-видимому, начало формироваться четкое согласие относительно того, какие книги следует считать принадлежащими к той группе

авторитетных текстов, которые мы называем Новым Заветом и которые свидетельствовали о новом завете Бога. откровение в личности Иисуса Христа. Опять же, я хотел бы подчеркнуть, что интересно, что Бог решил проработать очень человеческий процесс обсуждения, разработки и выдвижения этой идеи, а не, опять же, просто бросать на следующий день после того, как было написано Откровение, церковь просыпается. и Бог просто бросает список им на колени, он работал через очень человеческие процессы, чтобы добиться понимания и представления о том, какие документы церковь будет считать авторитетными Священными Писаниями.

Думаю, в вашей программе есть интересный вопрос: по каким критериям они это решат? Я имею в виду, какие критерии, видимо, использовала церковь, чтобы решить, какие документы мы примем? И первое, что нужно сказать по этому поводу: я не думаю, что у меня есть слайд PowerPoint. Нет, я не знаю. У меня есть причина, по которой у меня есть этот мультфильм «Арахис», который я вам покажу через минуту.

Это не случайность. По крайней мере, я надеюсь, что это не так. Прежде всего, церковь, по-видимому, не работала с контрольным списком, поэтому они привели Мэтью и пошли по списку вниз.

Да, он соответствует пяти критериям. Мы примем это. И они привели Марка.

Да, все в порядке. А потом принесли какой-то другой документ. Парочку пропустил, так что придется выбросить.

И у них была вся эта куча документов, и те, которые прошли проверку, всплыли, а остальных как бы выбросили. Это не так. Похоже, им не обязательно было работать с контрольным списком и сравнивать с ним документы.

В то же время, исторически мы знаем, что эти документы, похоже, действительно соответствовали определенным критериям или, по крайней мере, казались соответствующими определенному пониманию. И их было как минимум трое. Их могло быть больше, но есть как минимум три, на которые я хочу обратить внимание, и которые, по-видимому, должны отражать документ, если он будет считаться авторитетным писанием.

Первым было соответствие. Это был документ, который должен соответствовать. Учение должно соответствовать учению Иисуса и учению апостолов.

Оно должно соответствовать Евангелию. Было уже, читайте Новый Завет. Задолго до появления Нового Завета существовало четкое представление о Евангелии, которое апостолы передавали, проповедовали и учили.

Итак, все, что не соответствует этому, все, что отклоняется от этого, вероятно, будет поставлено под сомнение. Те документы, которые свидетельствовали об этом и соответствовали этому, будут считаться Священными Писаниями. Еще один важный момент – всеобщее признание.

То есть церковь в целом должна принять, признать, что этот документ является Священным Писанием, и должна найти в нем ценность. Документы, которые кажутся исходящими от исключительных сект или групп или принимаются только ими, вероятно, не будут приняты. Но те документы, которые церковь в целом считает ценными и авторитетными.

И, наконец, по большей части документ должен быть написан одним из апостолов Иисуса или одним из их соратников. Итак, очевидно, что книга кого-то вроде Павла или Петра будет хорошим кандидатом на место в Новом Завете. Или книгу кого-то вроде Марка, который, как гласит традиция, был близким соратником Петра или переводчиком Петра.

Или Лука, который известен как соратник Павла. Итак, большинство документов Нового Завета созданы апостолами или кем-то, тесно связанным с ними. Итак, еще раз, просто чтобы продемонстрировать, что, похоже, очень рано в церкви возникло осознание группы писаний, которые свидетельствовали об этих отношениях Нового Завета во Христе.

Эти отношения нового завета, предсказанные Ветхим Заветом, теперь открытые во Христе, заключаются в том, что вокруг того, что свидетельствовало об этом, вырастет группа документов. И уже сейчас появляется осознание того, что, хотя прошло почти 300 лет, прежде чем возникла ее окончательная форма, тем не менее, церковь была... Исторически она всегда знала, куда она могла обратиться, чтобы найти авторитетное Священное Писание и услышать голос Бог продолжает говорить с ними. И что интересно, Бог решил еще раз проработать человеческие процессы и механизмы истории, чтобы добиться признания тех документов, которые церковь признала авторитетными Священными Писаниями.

Теперь следующий вопрос: как нам это читать или как интерпретировать эту группу писаний, которые мы называем каноном Нового Завета? Называя его каноном Нового Завета, опасность состоит в том, что у кого-то может возникнуть соблазн рассматривать его как своего рода монолитный блок. То есть, опять же, относиться к Новому Завету как к однородной группе документов, которые просто похожи друг на друга. Вы читаете их одинаково, в них одно и то же содержание, и вы как бы читаете их в квартире, не видя никаких вариаций или различий.

В то же время уникальным и, я считаю, свидетельством мудрости Божией, а также и церкви, ее желания сохранить канон Нового Завета во всем его богатстве и разнообразии является тот факт, что, хотя мы и утверждаем, что Новый Завет Завещание – это одна книга, но в то же время это множество текстов, которые не только затрагивают самые разные вопросы и темы, написанные в разное время, но и состоят из разных литературных типов. Я всегда думал, что было бы интересно остановиться и подумать, чего мы не сделаем, но было бы интересно остановиться и подумать, если бы Бог решил открыть себя в 21 веке, какие средства он бы использовал, литературные или какие-либо другие. раскрыть себя. В первом веке Бог явил себя через обычные, обычные и стандартные литературные жанры или типы литературы первого века.

Жанр, если вы говорите по-французски или изучаете французский, жанр означает тип или вид. В литературной критике и библейских исследованиях его часто применяют к типам литературы, к различным видам литературы, которые можно сгруппировать вместе, потому что они имеют общие узнаваемые черты, такие как письма, романы, стихи или что-то в этом роде, если использовать очень широкие категории. То же самое относится и к Новому Завету.

Он состоит из множества литературных типов, и вот тут-то это и проявляется. Большинство из нас, глядя на это, автоматически распознают, на что мы смотрим. Вы смотрите мультфильм.

Точнее, вы смотрите мультфильм «Арахис». Точнее, я ориентируюсь на письменные документы. Каковы индикаторы, просто чтобы показать, как каждый день вы принимаете решения относительно жанра, и это интерпретирует то, как вы что-то читаете, даже если вы не осознаете, как вы это делаете? Какие особенности ясно указывают вам на то, что вы смотрите мультфильм, а не исторический документальный фильм, спортивный раздел газеты или что-то еще? Затем мы посмотрим, какое влияние это оказывает на то, как вы это понимаете.

В чем особенность этого текста? Вам, вероятно, придется подумать, потому что, опять же, вы делаете это подсознательно. Не останавливаешься и не думаешь, вот этот мультик по тому и по этому поводу. Вы просто осознаете, что это такое, и погружаетесь в это, потому что это часть нашего общего культурного кода и понимания.

Дело в том, что оно состоит из сегментов картинок, последовательности картинок и что оно нарисовано. Другими словами, это не фотографии. Это не настоящие фотографии какого-то человека.

Это карикатуры или нарисованные картинки. Опять же, если бы вы увидели кого-то, похожего на это физически, это было бы гротескно. Мы понимаем, что для мультфильмов это нормально.

Это карикатуры. Тот факт, что у вас есть последовательность кадров, изображающих движение, является одним из признаков того, что вы имеете дело с мультфильмом. Что-нибудь еще? Помимо того факта, что там написано «арахис», мы понимаем, что это своего рода мультфильм.

Да, у тебя есть пузыри. Именно так они изображают речь или мысль – пузырьками слов вверху рамок. Итак, все это заставляет нас автоматически осознавать, что это принадлежит определенному литературному жанру мультфильма.

Проблема в Новом Завете: мы часто имеем дело с литературными жанрами, с которыми мы не знакомы. Это жанры, которые первые читатели могли бы уловить и с которыми были знакомы, но для нас они могут быть немного более чуждыми. Даже те, которые имеют некоторую аналогию с нашими днями, например, письма Павла.

Большинство из нас все еще читают и пишут письма, но буквы в первом веке могли быть составлены по-другому, или функционировать немного по-другому, или иметь в себе другие части, чем те, к которым мы привыкли. Итак, когда мы посмотрим на Новый Завет, нам снова придется понять не только исторический, политический, религиозный, культурный фон, но и литературный контекст. Понять, какие литературные жанры используют авторы Нового Завета, жанры, которые были распространены в их время и о которых большинство людей, как и мы, просто не задумывались бы, но нам, возможно, придется более внимательно задуматься о том, что литературные жанры сделали. используют авторы и как это влияет на то, как мы интерпретируем текст.

И мы приведем несколько примеров этого. Например, я убежден, что книга Откровение будет понята неправильно, если вы не поймете, хотя бы частично, литературный жанр, в котором она была передана, и то, как первые читатели уловили и поняли это. Итак, что касается литературных жанров Нового Завета, то основными литературными типами, опять же, первый из них является тот, с которым большинство из нас довольно хорошо знакомы, однако, опять же, они все же могут иметь условности, несколько отличающиеся от того, как мы пишем. и прочитайте рассказ или рассказы сегодня.

Евангелия и книга Деяний, хотя я не хочу смешивать их все вместе и говорить, что Деяния и Евангелия обязательно идентичны, они оба относятся к литературному типу повествования. Итак, мы должны читать их не как рецепты или не как научные описания и документы эксперимента, не как послания или

простые описания, но мы должны читать их как авторы, общающиеся посредством повествования. Я убежден, что те, кто лучше всего понимает Евангелия, часто понимают, как работают романы и как работают повествование и история.

И когда вы понимаете, как работает повествование и история, как они коммуницируют, вы зачастую лучше понимаете и читаете Евангелия. Опять же, потому что авторы общаются через историю. Главное – понять, почему авторы пишут. Чего они пытались добиться, собирая вместе написанные истории? Другими словами, почему авторы из всего, что сказал и сделал Иисус, написали и включили то, что они сделали? Интересно, когда вы читаете Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Надеюсь, вы уже это поняли, никто из них не расскажет вам всего, что сказал и сделал Иисус.

За исключением Луки, никто из них ничего не расскажет вам о детстве Иисуса. А Лука лишь говорит что-то очень кратко. Большинство из них сразу же переходят к его взрослому служению.

И только двое из них расскажут вам о его рождении. Итак, евангелисты не пишут биографии в том смысле, который нам знаком. Они пишут биографии первого века, которые могут быть выборочными.

То есть у авторов, Матфея, Марка, Луки и Иоанна, было намерение, богословское намерение, что-то, что они хотели сказать церкви о Христе, какие-то вопросы, которые они затрагивали, и они включили только эти события из общего пула информации. Всю имевшуюся у них информацию о жизни Иисуса, его рождении, его жизни, его учении, его смерти и воскресении они включили в себя и собрали воедино так, чтобы это соответствовало их цели. Как мы увидим, по моему мнению, именно поэтому у нас четыре Евангелия.

Почему в церкви не произошло своего рода объединение одного большого Евангелия? Кто-то на самом деле попробовал это очень рано в церкви. Это потому, что все четыре Евангелия представляют взаимодополняющие, но очень разные подходы к тому, кем является Иисус. А без кого-либо из них мы были бы в некотором смысле обедневшими в нашем понимании Христа.

Итак, нам нужно понять, что Евангелия — это повествования, истории, написанные по стандартам биографий первого века. И опять же, Евангелия не говорят: вот что вам следует делать, а вместо этого иллюстрируют это, рассказывая историю. Они учат посредством повествования или истории.

Еще один хороший способ ближе познакомиться с историями — анализировать фильмы. Если вы сможете проанализировать, как работают фильмы и как они

доносят свою точку зрения, я думаю, вы станете более умелым в чтении романов. Через такие вещи, как повторение и диалог.

Опять же, авторы повествования не выходят и не говорят вам точно, это то, что я говорю. Они делают это, рассказывая историю. Понимая историю, то, как повествование работает через диалоги, повторения, разделы, на которые автор тратит больше времени, и так далее.

И это часто можно увидеть в фильмах. Не так давно, я не знаю, смотрел ли кто-нибудь из вас это, просто здесь не так давно, я думаю, это было 25-летие фильмов Майкла Дж. Фокса «Назад в будущее». Возможно, кто-то из вас их смотрел.

Первым, самым первым было первое свидание, на которое я пошел со своей женой, чтобы посмотреть «Назад в будущее 1». И интересно смотреть это и видеть, как устроена история. Основная идея, которую, как мне кажется, пытается донести фильм, повторяется пару раз, пару раз повторяется в диалогах, особенно ближе к концу фильма, а затем иллюстрируется множеством интересных вещей. И я думаю, что основная идея фильма в том, что вы можете добиться всего, если просто используете свою голову.

Эта фраза на самом деле заключена в пару строк. А кто-нибудь помнит самую последнюю сцену? Это происходит пару раз. Голова играет ключевую роль, особенно когда док упал, на голове пластырь, он ударился головой.

Кто-нибудь помнит в самом конце, когда Марти МакФлай в ДеЛореане, и ему нужно довести дело до, ему нужно завести машину, он должен завести ее и покинуть стартовую линию в определенный момент, и он должен разогнать его до 88 миль в час, чтобы он вернулся в свои дни, в будущее. И машина глохнет как раз в тот момент, когда включается сигнализация, у него в машине есть сигнализация, которая должна сработать, чтобы сообщить ему, когда ему пора уходить, и машина глохнет в тот момент, когда срабатывает сигнализация. Кто-нибудь знает, как он заводит машину? Кто-нибудь помнит? Он ударяется головой о руль.

Итак, через повторение разных сцен, через решающий диалог вы делаете акцент на том, что вы можете сделать все, что угодно, если будете использовать свою голову. И именно так работает повествование. Итак, мы посмотрим на это, когда будем рассматривать Евангелия, как повторение и подобные вещи помогают нам понять, в чем главная суть биографий, повествований Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

Хорошо, у нас есть еще три литературные темы.

Это доктор Дэйв Мэтьюсон, представляющий историю и литературу Нового Завета, лекцию 5 о Рождестве и Каноне.